

митрополит Филарет Вознесенский.

О церковных разделениях

Святой Василий Великий — строгий требовательный архипастырь с твёрдой рукой, вдохновенный защитник и хранитель церковной правды и церковных правил. Однако, когда речь шла о тех, кто отпал в раскол и пришли опять, строгий Святитель открывал перед ними ворота в церковную ограду, смягчая всячески те требования, которые предъявляются желающим вернуться. Все строгости Василий Великий смягчал, лишь бы только заблудившиеся пришли домой.

Но его тон решительно меняется, когда отколовшиеся упорствуют и остаются в том же положении. А дальше Святитель Василий говорит: “На раскол, долго и упорно продолжающийся, надо смотреть уже, как на приближающийся к настоящей ереси, а поэтому относиться к таким раскольникам нужно, как к еретикам, т.е. ни в какое общение с ними не вступать”. А вот суждение св. Иоанна Златоуста: “Ничто так не оскорбляет Бога, как разделение Церкви. Хотя бы вы совершили тысячу добрых дел, но подвержены осуждению не меньше тех, которые терзали Тело Христово. Если будем разрывать целостность Церкви, такого греха не может загладить даже мученическая кровь. Сказанное мною направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви”. А как тяжело, скорбно бывает, когда слышишь: “Я хожу в любую церковь. Всё равно, что там архиереи и батюшки не ладят, а мне всё равно — Бог Один, Церковь одна”. А вот смотрите, что говорит Златоуст: “Сказанное мною направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви. Если эти отделившиеся содержат противные нам догматы, т.е. исказили самую веру, то ясно, что поэтому уже не должно с ними иметь общения”. А вот, дальше: говорят, что мол они учат так же, как и мы, всё общее, как и у нас, всё верно. “Но если же они мыслят одинаково с нами, то еще больше должно избегать их!” — сказал Златоуст. Почему так? Потому что это — недуг любоначалия.

Так и было, например, в обоих наших расколах: Митрополит Платон и Митрополит Евлогий не захотели подчиниться Архиерейскому Синоду. Говорят, что у них та же самая вера и они по своей вере так же православны, как и мы. Если так, то отчего же они не с нами? Един Господь, едина вера, едино крещение, едина истина — не две благодати, не две истины: если у них хорошо, то у нас худо; а если у нас хорошо, то у них худо. Двух благодатей нет, Христос не разделит Церковь. Если они отошли от нас,

откололись, считая нас неправыми, то что-нибудь из двух: или они, отделяясь от нас, потеряли благодать — остались без неё или унесли её от нас, тогда мы без благодати. Как люди не могут этого понять? Как будто бы та же служба, как будто то же самое, и говорят: “а Бог Один, нам всё равно: тут служба, как и там”. Когда-то одному священнику кто-то сказал в Харбине: “Батюшка, а почему мне не ходить? Там служат, как и у нас, я и там буду молиться, там совершенно те же молитвословия и чин и вообще всё”. А священник вынул из кармана два полтинника (две монетки по 50 копеек) и говорит: “Смотри, они совершенно одинаковые, но одна настоящая, а другая фальшивая. Что ж, по-твоему, если мужик научится грамоте, сам сделает церковь, сам сошьёт облачение и будет служить так же, как у нас служат, так значит, он законный батюшка? Значит, там будут действительные молитвы, действительные таинства?” Вот и говорит Златоуст: “Если у нас хорошо, то у них плохо, а если у них хорошо, то у нас плохо”.

идёт многим по душе, не среди верных чад нашей Зарубежной Церкви, потому что они прекрасно понимают, в чем тут дело, а вот среди молчащего — большинства.

единству во Христе, Которому мы верим, не нарушены всем этим разномыслием, освобождающей, возрождающей силы и радости совместной молитвы. Всякий иной путь, всякое иное начало будет на деле продолжением старого пути и приведёт только к худшему обострению наших разногласий”.

Для этого святого дела не нужно никаких предварительных выяснений, напротив, только она, только эта встреча во Христе и тем самым единством Вселенской Церкви сделает и дальнейшие шаги! Шагами по новому пути, а не мучительным топтанием всё в том же месте. В безвыходном тупике”.

особый вкус и благоуханье. А когда купцы все эти сорта смешали в одной большой бочке, получилось такое благоуханье, такой вкус, о котором и мечтать нельзя.

Покупатели брали мёд нарасхват, не жалея денег. И вдруг, появилась Блаженная Ксения: “Не берите, не

берите, — закричала она, — этот мёд нельзя есть, он дохлятиной пахнет!” И стала отгонять покупателей. “Ты, матушка, что с ума сошла? Не мешай нам, вон какая прибыль у нас! Да как ты можешь доказать, что этот мёд нельзя есть?” “А вот и докажу!” — сказала Блаженная, навалилась на бочку и её опрокинула. Пока мёд тёк на мостовую, он издавал благоуханье. А когда мёд вытек весь, то все закричали от ужаса и отскочили: на дне бочки лежала огромная дохлая крыса. Даже те, кто за дорогую цену купили этот мёд и носили

его в банках, побросали и разбежались. Почему, — продолжает Владыка, — вспомнился мне этот случай? Почему я привожу его сейчас, охотно отвечу: на днях один американец, интересующийся Православием и побывавший во всех православных Церквях — и в Советском Союзе, и здесь, в Америке, спросил меня: отчего я и целая группа русских православных людей не участвуем в приёме патриаршей делегации и вообще, как-то чуждаемся всего, что связано с церковной жизнью в Советском Союзе, и даже здесь, в Америке, уклоняемся от

тех православных групп, которые так или иначе связаны с Патриархией. В чем дело? Разве догматы не те, или таинства другие или богослужение иное? Я подумал — говорит Владыка — и ответил: “Нет, дело не в этом: вера та же и богослужения те же. Вера православная, сама по себе, благоухает, как мёд душистый, где она не

возвещается. Но если бы этот душистый мёд налил в бочку, на дне которой окажетсядохлая крыса, захотите ли вы отведать этого мёда?” Он с ужасом посмотрел на меня и говорит: “Конечно, нет!” “Так вот и мы, — ответил ему я, — чуждаемся всего того, что связано с коммунизмом. Коммунизм для нас всё равно, чтодохлая крыса на дне бочки. И если бы наполнили эту бочку до самых краёв самым лучшим ароматным мёдом — нет! Мы не захотим этого мёда! Сам по себе мёд — прекрасен, но в него попал трупный яд и смрад”. Мой собеседник молча кивнул головой — он понял”.

Позорное пятно должно быть смыто. Пока этого нет, она находится под омофором богоборческой власти, не смея без её “благословения” ступить ни шагу, особенно, в своих действиях за границей — это и ребёнку ясно.

Вы, вероятно, читали в газетах ответ Митрополита Ириней на наше обращение. Это ответ на обращение Собора к Американской Митрополии. Раньше Американская Митрополия всё-таки именовала себя русской, а тут они уже от этого отказываются. Говорят уже сами, что “мы НЕ часть Русской Церкви”. Митрополит Ириней пишет, что у нас разные пути, у нас слишком много разногласия, а нужно только молиться вместе, что дух любви христианской нас призывает вместе служить, вместе молиться. Когда я прочитал все эти пышные фразы, очень тяжело было и неприятно — ведь мы знаем в действительности, что есть, а они стараются взгромоздиться на очень выгодную для себя позицию. Мы говорим о реальном положении вещей. Но ведь есть еще слишком существенное разногласие, чтобы можно было вдруг так сразу соединиться, не ликвидируя все эти разномыслия! А они говорят: пусть разномыслия остаются разномыслиями, а вот, давайте вместе молиться и служить — мы

Получивши наш ответ, в котором мы, по существу, настаиваем на нашем прежнем предложении, чтобы встретиться и потолковать по существу о разногласии, Митрополит Ириней мне написал так:

“Ваше письмо от 31 января совершенно ясно показывает, что наше предложение — восстановить, прежде всего, молитвенное общение и тем самым положить начало изживаний церковных разделений, вами отвергается. Отвергая его, вы, однако, возлагаете ответственность за это на нас. Моё письмо к вам вы называете “заострённо полемичным” и самим по себе свидетельствующим о том, как мало еще подготовлено почвы для единства. Между тем, как всё моё письмо сводилось к призыву и предложению делать сближение; начать не с полемики, а с молитвы и стяжания благодатной помощи Божьей. Позволю себе напомнить вам мои слова: “Разделение наше, вызванное трагической неурядицей нашей эпохи, не оправдывает разрывов в молитве и таинстве, а потому именно в единстве и таинстве, соединяющих нас с Христом и в Нём друг с другом, видим мы единственный путь взаимного понимания и

примирения”. Выход один: в возврате к тому основному единству

А в священных канонах, которые он тут с целомудренной скромностью обходит, сказано, что если с неправомыслящими будешь молиться, будешь отлучен от Церкви. Но об этом не говорится. Он дальше продолжает:

“Ваше Высокопреосвященство (обращается ко мне), неужели Вы, действительно, по совести воспринимаете эти слова, как исполненные “заостренно полемичными”? А если так, то о чем в этой атмосфере подозрительности и недоверия будут наши разговоры? Как будем друг друга осуждать за “жизнь во лжи”, если, прежде всего в самих себе не восстановим простой правды и не откажемся от кривых путей? И как же, наконец, придём мы к этому, как не молитвой, не встречей друг с другом во Христе? В Вашем изначальном Обращении к нам, мы расслышали решимость на действительно новый шаг: искания, искать новых путей. И на это с полной истинностью и готовностью ответили двукратным предложением начать с исцеления самой страшной и соблазнительной для всех ран — разделения братьев по вере, по духу, по крови — у Престола Божьего.

Когда я читал, помню, в конце концов, я раскусил: всё время пышные фразы о том, как хорошо, когда вместе и близко и с этого начинать. И упорно не желает признать того, что хочет начать с того, чем кончается. Это то, что было в газетах написано. Я ему отвечаю:

“Ваше Высокопреосвященство, наша газетная переписка пришла в тупик, и нет смысла её продолжать, но на Ваше последнее письмо я считаю нужным ответить. Апеллируя к моей совести, Вы приводите выдержку из своего предыдущего письма и спрашиваете, где в этой выдержке я вижу “заострённый полемизм”? Но в этой выдержке я его не вижу. Ведь Вы не всё письмо своё привели, а там есть совсем другие выражения. Упорно обходя главный разделяющий нас вопрос, какой? Да Вы и сами знаете. Вы настойчиво призываете к молитвенному общению. Что и говорить: великою радостью было бы возобновление такого общения! Но начинать с него можно только тогда, когда имеется несогласие личного характера, тут дело ясно: “Мир и больше не сердись!” А о разногласиях принципиальных, согласно словам Церкви: “Возлюбим друг друга да ЕДИНОМЫСЛИЕМ ИСПОВЕДУЕМ”, необходимо прежде достижение такого единомыслия и только тогда, когда оно достигнуто, радость этого достижения увенчивается совместной молитвой. Вспомните историческое совещание иерархов: Митрополита Евлогия, Митрополита Феофила, Митрополита Анастасия, Епископа Димитрия как раз по вопросам церковных разногласий: они своё совещание не начали, а окончили совместным служением. И вообще в истории Церкви совместного служения

без единомыслия не бывало никогда. Это чисто экуменическое теперешнее изобретение. Любовь, понимаемая по экуменическому мудрованию, широко открывает свои любящие объятия всем. Но по меткому и глубокому замечанию редактора “Православной Руси”, эта любовь в своих объятиях любви готова задушить насмерть истинное Православие. Не напрасно апостол, именно любви, говорит о том, что человека, неверно говорящего об истине, не следует ни приветствовать, ни в доме принимать, ибо приветствующий его участвует в злых делах его.

Когда я беседовал по этому делу с мудрым и миролюбивым Преосвященным Андреем, архиепископом Рокландским, он по этому поводу высказался так образно и так убедительно, что я хочу это его высказывание привести вам, без всякого сокращения. Владыка Андрей говорит: “Вспоминается мне случай из жизни Блаженной Ксении Петербургской. Она была особенно популярна в купеческом мире. Купцы замечали, что каждое посещение Блаженной приносило им удачу в торговле. Так же как было и с о. Иоанном Кронштадтским, когда он приходил к торговцам и брал что-либо, то Бог посылал тому удачу. Раз в одном торговом месте купцам удалось раздобыть из одного богатого имения несколько различных сортов лучшего душистого мёда. Был мёд липовый, из гречихи и из других цветов. Каждый имел свой

Дальше идёт моя речь: “Главный вопрос, нас разделяющий, вопрос о советской иерархии, о котором вы упорно замалчиваете. Зарубежная Церковь только тогда признает её законным возглавлением страдающей Русской Церкви, когда она, со всей решительностью, отвергнет позорную, страшную декларацию Митрополита Сергия, сойдёт со своего пагубного пути и встанет на путь церковной правды, бесстрашно и открыто её защищая.

И в заключение этого письма, беря с вас пример, и я спрашиваю Вас: Неужели Вы, по архиерейской совести, считаете служителей КГБ, облачившихся в рясы и клобуки, действительно, истинными духовными руководителями и возглавителями Русской Церкви? Неужели вы не видите того, что в той организации советской, с которой Вы себя связали, на дне лежит дохлая крыса? И если Вы этого не видите, или не хотите видеть, если предпочитаете, как говорится в Евангелии — “закрывать глаза и заткнуть уши”, чтобы как-то отгородиться от печальной действительности, то, конечно, дальнейшие переговоры будут совершенно бессмысленны: ни об объединении, тем более, о совместном служении не может быть и речи”.